

НОВОВЪИ МГУ.Р

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Издается с января 1925 г.

№ 12 (1124)

Декабрь, 2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАДИМИР ГУБАЙЛОВСКИЙ — Стихи 2015 — 2017	3
ИГОРЬ ВИШНЕВЕЦКИЙ — Пламя, повесть	11
ТОМАС ВЕНЦЛОВА — Два стихотворения. Переводы с литовского Павла Шкарина	54
ОЛЕГ ХАФИЗОВ — Фриба мара, рассказ	58
КЛЕМЕНТИНА ШИРШОВА — ТЧК, стихи	64
БОРИС ЕКИМОВ — Мальчики уходят тихо. Из «Житейских историй»	67
АНДРЕЙ ПЕРМЯКОВ — Тёплое, сухое, стихи	73
ВИКТОР БЕРДИНСКИХ, ВЛАДИМИР ВЕРЕМЬЕВ — Краткая история Гулага. Окончание	80

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

УМБЕРТО САБА (1883 — 1957) — Гол. Вступительное слово и перевод с итальянского Павла Крючкова	141
--	-----

ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ. ПОЛИТИКА

ЕГОР ХОЛМОГОРОВ — Улица Солженицына	144
-------------------------------------	-----

ОПЫТЫ

ПАВЕЛ КРЮЧКОВ — Неповторимый голос. Александр Солженицын в звучащей литературе	162
РИЧАРД ТЕМПЕСТ — Человек непокорный. Заметки о повести «Раковый корпус»	171

ЮБИЛЕЙ

КОНКУРС ЭССЕ К 100-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА: Илья Луданов. Одним днем; Татьяна Лашук. Во дворе трава; Александр Титов. Как мы «осуждали» Солженицына. Репортаж с давнего партсобрания; Василий Авченко. Путешествие из Магадана в Москву; Людмила Глушковская. Эстонская Alma mater;	
--	--

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

Александр Марков. Солженицын — критик; Александр Матасов. Об Александре Солженицыне; Георгий Жаркой. Тайна; Наталья Исакова. Что в чемодане?; Андрей Анпилов. Светлые глаза; Игорь Фунт. Фейсбучные споры: Солженицын — «левый» или «правый»?; Дмитрий Артис. «Матрёнин двор»; Полина Серебрякова. Лучшие из нас; Александр Донецкий. Как нам обустроить этим летом? <i>Вне конкурса:</i> Владимир Губайловский. Новый Миклухо-Маклай; Маргарита Каганова. В железнодорожной форме. Вступительное слово Владимира Губайловского	177
--	-----

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Полина Жеребцова. Чтение как эликсир бессмертия (Ольга Балла. Время сновидений)	203
Юрий Угольников. Инда еще побредем (Дмитрий Данилов. Печаль будет длиться вечно)	205
Дмитрий Бавильский. Учебник писательской гениальности (Гарольд Блум. Западный канон. Книги и школа всех времен)	207

КНИЖНАЯ ПОЛКА АЛЕКСАНДРА МАРКОВА	212
СЕРИАЛЫ С ИРИНОЙ СВЕТЛОВОЙ	219
МАРИЯ ГАЛИНА: HYPERFICTION	224

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ

Книги (составитель Сергей Костырко)	229
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» ЗА 2018 ГОД	233
SUMMARY	240

В 2019 году физические лица могут подписаться на журнал в редакции с любого месяца по цене 350 руб. за 1 экз; стоимость подписки на полугодие 2100 руб. (для РФ)

Подписка оформляется напрямую в редакции, где вы можете воспользоваться льготными предложениями и выбрать любые номера, включая те, на которые подписка на почте не оформляется.

Для оформления подписки через редакцию нужно сделать заказ по электронной почте или по факсу. В заявке следует указать:

- Ф.И.О.; точный почтовый адрес (с обязательным указанием почтового индекса)
- контактные телефоны, факс или адрес электронной почты (для отправки счета)

После оплаты вы будете получать журналы почтовой бандеролью по мере их выхода из печати. По желанию подписчика возможно получение журналов в редакции.

Тел./факс: 7 (495) 650-62-13 / 7 (495) 694-08-29

Эл. почта: zakazinovimir@mail.ru / Сайт: nm1925.ru

**Купить подписку на журнал «Новый мир» также можно на сайте Объединенного каталога «Пресса России»:
http://www.ppressa-rf.ru/cat/1/edition/y_e70636/**

В 2018 году «Новый мир» выходит при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

РИЧАРД ТЕМПЕСТ

ЧЕЛОВЕК НЕПОКОРНЫЙ

Заметки о повести «Раковый корпус»

Пятого мая 2016 года с самолета American Airlines, который должен был лететь рейсом Филадельфия — Сиракузы (Нью-Йорк), по требованию средних лет, крашенной под блондинку пассажирки во вьетнамках — распротраненный типаж американской периферии и прерии, — был высажен сидевший рядом с ней средних же лет пассажир в очках и кудрях, не совсем чисто говоривший по-английски. Это был итальянец Гвидо Менцио, профессор экономики Пенсильванского университета, решивший воспользоваться сорокаминутным полетом, чтобы подготовить лекцию для научной конференции. Светловолосую даму смутила странная вязь, которой близорукий сосед испещрял блокнот, и ее беспокойство усугубил чужестранный вид и голос незнакомца, а также его лаконически выраженное нежелание вступить с ней в разговор. «Во ушию безумного ничтоже глаголи...» Бдительная босоножка решила, что рядом сидит записной босвик, шифрующий арабскими буквами подготовку к теракту. В филадельфийском аэропорту сотрудники соответствующих структур быстро выяснили, чем на самом занимался молчаливый путешественник: таинственные знаки представляли собой формулы дифференциального исчисления. Профессору позволили продолжить путешествие, а блондинка была посажена на другой рейс и канула в медийное и интеллектуальное небытие. Ей повезло, ввиду возможного доксинга адептами Вильфредо Парето и Ортеги-и-Гассета или даже просто университетскими снобами.

Топос политически корректного доносчика из низов присутствует в повести «Раковый корпус». Доктор Вера Гангарт, главный женский персонаж произведения, выписывает больному опухоли желудка водителю из МГБ снотворный препарат. Но: «...шофёр не выпил порошков (почему два?), он не спал ночь, а теперь выспрашивал лаборантку: „Почему её фамилия Гангарт? Расскажи о ней поподробней. Она отравить меня хотела. Надо ею заняться“. И несколько недель Вера Корнильевна ждала, что её *займутся*»¹. El hombre masa Ортеги-и-Гассета научился крутить баранку и стал говорить по-русски.

Как все прозаические произведения Солженицына, большого или малого формата, «Раковый корпус» предлагает читательскому вниманию данный в конкретном, скрупулезно выписанном историографическом обрамлении каталог извечных добродетелей и подвигов, а также реестр извечных подлостей и низостей. Впрочем, солженицынское письмо всегда тяготело к эпичности и энциклопедичности. В «Раковом корпусе» действие происходит в 1955 году

Ричард Темпест — филолог. Родился в Лондоне, Великобритания в 1956 году. Ассоциированный профессор Отделения славянских языков и литератур Иллинойского университета, США. Автор статей и книг о русской культуре и истории, а также романа «Золотая кость» (М., 2004), вышедшего под псевдонимом Роланд Харингтон. В начале 2019 года в издательстве «Academic Studies Press» (Бостон) выходит книга «Overwriting Chaos: Alexander Solzhenitsyn's Fictive Worlds» («Слово против хаоса. Художественные миры Александра Солженицына»). Живет в Урбане, штат Иллинойс, США. В «Новом мире» публикуется впервые.

¹ Солженицын А. Собрание сочинений: в 30 т. М., «Время», 2012. Т. 3, стр. 55.

в безымянном среднеазиатском городе, в котором легко опознается Ташкент: повесть, с ее чайханами, дувалами и потаенными домашними двориками, увековечила для русской литературы облик узбекской столицы каким он был до разрушительного землетрясения 26 апреля 1966 года. Культурно-историческая тематика необыкновенно широка: она включает не только онкологическую болезнь и хирургические и не-хирургические методы ее лечения, но Гражданскую и Вторую мировую войны; теорию Бэкона; учение Толстого; сочинения Горького; статьи Ленина; преступления Сталина; административно-командную экономику и производные от нее черный и серый рынки; социализм и коммунизм как теоретические конструкты и политические реалии; «женский вопрос» в середине XX века; этнические идентичности и межэтнические отношения; половую функцию и дисфункцию; советский спорт; классическую музыку и балет. В тексте фигурируют даже Болливуд и рок-н-ролл.

Несколько слов о названии повести.

У каждого исторического периода есть своя тематическая болезнь. Некий набор патологических симптомов поражает культурное воображение и становится болезненно, изошренно эстетизированным. Он превращается в предмет искусства и, процеживаясь сквозь медицинские практики и дискурсы эпохи, обретает символические, аллегорические и идеологические смыслы.

Люди средневековья боялись чумы и проказы. В начале XIX века романтики страшились чахотки, симптомы которой соответствовали их эстетике телесности, даже когда больное тело принадлежало самому художнику, как явствует из од Джона Китса: смертоносная гламурность туберкулеза для тех времен наводит на мысль о героиновом шике современной поп-культуры. Сифилис, который унес двух отцов Модерна, Шарля Бодлера и Фридриха Ницше, пугал воображение викторианцев и эдвардианцев. В XX веке культурной медицинской доминантой в урбанизированных обществах первого и второго мира стал рак, хотя в время его вытеснил СПИД.

В совокупности художественных текстов Солженицына это автобиографическое произведение, в котором писатель воспроизвел историю собственной раковой болезни, наиболее откровенно изображает человеческое страдание. «Туберкулёз берёт на себя качества, ассоциирующиеся с лёгкими, которые являются частью верхней, одухотворённой половины тела, тогда как рак печально известен тем, что поражает части тела — кишечник, мочевой пузырь, прямую кишку, грудь, шейку матки, простату, яйца — само упоминание о которых стыдно»². Повесть следует жесткой формуле Сюзан Зонтаг: большинство персонажей, и в их числе главный герой, Костоглотов, страдают опухолями нижних частей тела, хотя у равнодушного партюкрата Русанова обнаруживают рак шеи, а у добродушного украинца Прошки — рак сердца.

«Раковый корпус» содержит описание злокачественных опухолей и процедур для их лечения или удаления. Старший хирург онкологической больницы имеет обычай говорить, что «если бы все эти груди, удалённые ею, собрать вместе, получился бы холм»³. Многочисленные пассажи, выдержанные в этой медицинской тональности, шокировали «викторианские вкусы советских читателей»⁴ — культурного контингента, стеснявшегося разговоров, а тем более романов о человеческом теле и его недугах и отправлениях. Впрочем, шокированы были не только читатели. Во время обсуждения повести на заседании Секретариата СП один из коллег Солженицына по литературному цеху посетовал: «Правда, там патологически пишется о болезнях, читатель невольно поддаётся раковой боязни, и без того распространённой в нашем веке»⁵. Такого рода психосоматическая мнительность заставляет вспомнить табуирование болезней в доиндустриальных обществах — например, лепры, которая, как отме-

² Sontag S. *Illness As Metaphor*. New York, «Farrar, Straus & Giroux», 1978, p. 17.

³ Солженицын А. Собрание сочинений. Т. 3, стр. 98.

⁴ Scammell M. *Solzhenitsyn: A Biography*. New York, «W. W. Norton», 1984, p. 481.

⁵ Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. Очерки литературной жизни. 2-е изд. М., «Согласие», 1996, стр. 607.

чал Мишель Фуко, в средневековой Европе стала достоянием «мест изоляции и <...> комплекса ритуалов, с помощью которых ее не столько старались одолеть, сколько удерживали на некоей сакральной дистанции, как объект своего рода поклонения наоборот»⁶. Культурное мышление средних советских людей или даже писателей было иерархическим и зачастую буквалистским, и поклонения напрямую, наизнанку или наоборот у них всегда хватало. Западная читательская аудитория, обретшая иммунитет к описаниям телесных ужасов благодаря ухищрениям высокого модернизма или эксцессам низкой поп-культуры, не выказывала той же реакции, что цитируемый Солженицыным соцреалист. Впрочем следует добавить, что сам автор, как раковый больной со стажем, испытал определённую меру сурового удовольствия, когда предупредил хорошо одетых и ухоженных членов СП о зыбком характере воспеваемого ими социалистического просперити: «...может быть, вскоре и кто-нибудь из присутствующих ляжет на онкологическую койку и поймёт, какой это „символ“»⁷.

Дело в том, что с момента (не)напечатания повести вопрос о возможном символическом значении онкологического заболевания в повести стал предметом оживленной дискуссии. Критики находили параллель между «Раковым корпусом» и рассказом «Палата № 6», когда-то известном как «самое страшное произведение во всей русской литературе»⁸ и традиционно воспринимаемом как аллегория позднеимперской России. Более того, в «Палате» в очаровательном, витийствующем параноике Громе можно опознать нищанца, — когда Чехов писал свой шедевр, автор «Антихриста» уже три года как был психиатрически освидетельствованным безумцем, — а добродушного доктора Рагина, с его вопросительными интонациями и неумением приказать или даже проинструктировать, как условного полу-стойка или крипто-толстовца. Кулаки же brutального сторожа Никиты, от ударов которых заключенный в лечебницу по навету коллеги Рагин впоследствии погибнет, суть плавники Левиафана. Чеховская психлечебница более убога, чем раковая клиника Солженицына: один из тех редких случаев в художественных пространствах последнего, когда советское учреждение уступает по степени хаоса дореволюционному аналогу. Любопытна также подробность, что «злая опухоль»⁹ на правой стороне шеи, которой страдает антигерой «Ракового корпуса» Русанов, идентична «небольшой опухоли, которая мешает <Рагину> носить жесткие крахмальные воротнички»¹⁰ — отличительной примете главного персонажа «Палаты». Однако опухоль Рагина, похоже, доброкачественная.

Более продуктивным представляется сравнение с другим классическим произведением медицинской прозы, романом «Волшебная гора» Томаса Манна. Два крупномасштабных нарратива, где главным героем является пациент лечебного заведения (у Манна — туберкулезного санатория), умная, любознательная и чисто чувствующая личность, которой суждено покинуть эти выбеленные стены и вернуться в сферу истории, но уже за пределом повествования. В обоих случаях сюжет пронизывает направленный в неопределенное, но известное читателю будущее вектор эпохальных событий: Первая мировая война, в которой еще предстоит участвовать герою Манна, Гансу Касторпу, «оттепель» и грядущие шестидесятые для Олега Костоглотова, ветерана двух войн и ГУЛАГа. Подобно международному санаторию «Бергхоф» в курортных швейцарских горах, ташкентская онкологическая клиника, расположенная в не менее живописном локусе, представляет собой социальный микрокосм, данный в поворотный, *узловой* момент исторического времени. Этот маленький мир насыщен болью, но и надеждой, хотя боль часто превалирует. Как сообщил мне Солженицын в 2003 году, «Волшебную гору» он не читал, но

⁶ Фуко М. История безумия в классическую эпоху <profilib.net/chtenie/38039/mishel-fuko-istoriya-bezumiya-v-klassicheskuyu-epokhu-7.php>.

⁷ Солженицын А. Бодался телёнок с дубом, стр. 613.

⁸ Интервью автора с А. Солженицыным 27 мая 2007 года.

⁹ Солженицын А. Собрание сочинений. Т. 3, стр. 9.

¹⁰ Чехов А. Палата № 6 <ilibrary.ru/text/989/p.5/index.html>.

«если находите параллели — то они в самой болезненной угнетённости»¹¹. Впрочем, в романе немецкого писателя больше внимания уделено внутренней жизни героев и особенно структуре их подсознания, нежели действию социальных или культурных факторов. В «Раковом корпусе» мы имеем дело с противоположной повествовательной ситуацией: врачи и больные представлены как объекты истории, а не фрейдистского психоанализа. Тут мы видим одну из определяющих черт художественного метода Солженицына, о которой хорошо сказал покойный Никита Струве: «Достоевский, следуя законам трагедии, берет своих героев в момент, когда судьба их внутренне определилась и набухла для развязки. У Солженицына иначе: действующие лица завязят не столько от развития собственных душевных сил, сколько от внешних событий и толчков. Они часть целого, общественного и исторического, и сталкиваются друг с другом или даже с самими собой по вине внешних обстоятельств»¹². В тексте «Ракового корпуса» в названную исследователем категорию внешних обстоятельств входит и онкологическая болезнь, в нравственном и личностном смысле являющаяся именно такой внешней первопричиной.

В центре повести — конфликт между двумя антагонистами: бессемейным ветераном войны и политическим ссыльным Олегом Костоглотовым и кадровиком Павлом Русановым. Костоглотов — угловатый, яростный искатель правды и любви, человек купеческого происхождения, но советской судьбы; Русанов — самодовольный, мягкотелый коммунист, но с пролетарскими корнями, имеющий супругу и четверку отпрысков. Оба персонажа больны раком с угрозой летального исхода. В плане риторическом, а отчасти и физическом, Костоглотов напоминает Евгения Базарова, с поправкой на то, что краснорукий, разночинный тургеневский герой явно извлекает удовольствие, пусть и не совсем осознанное, из своей привычки эпатировать реакционных, либеральных и даже радикально настроенных собеседников. Для Костоглотова же прямословие и даже злословие — это способ борьбы за право быть суверенным и автономным индивидуумом в политической среде, которая это право отрицает. Костоглотов — личность высоконравственная, но неверующая: «Ты не причислял себя к христианам, и даже иногда напротив...»¹³ В интервью с Солженицыным 2007 года я процитировал известное высказывание, приписываемое Джорджу Бушу-старшему, что атеистов нельзя считать полноценными гражданами или даже патриотами, и затем спросил писателя, согласен ли он с мнением 41-го президента США: «Ряд Ваших самых известных и любимых читателями героев — Иван Шухов, Глеб Нержин, Олег Костоглотов — далеки от религии <...>, но все они личности чистые, честные, а Нержин и Костоглотов — духовно ищущие». — «Вы тут сами отвечаете на свой вопрос»¹⁴.

Пациент раковой больницы Олег Костоглотов — изможденный, долговязый, черноволосый, большерукий, с резкими, крупными чертами лица, — один из самых физически и физиогномически ярко выписанных солженицынских героев. Я представляю его себе как двойника молодого Линкольна. Портрет шестнадцатого президента США, оставленный современником, подтверждает такой читательский вывод: «Лицо Линкольна рассказывало о его жизни — жизни, состоявшей из печали и лишений, глубокой грусти, непрекращающихся усилий. Лишь Лафатер мог бы интерпретировать грубую энергию, запечатленную на этом некрасивом плебейском лице, с его скалистым лбом и костной структурой»¹⁵.

Если *мертвый* к красоте и добру, *мертвящий* партийными штампами родной язык, одержимый страхом *смерти* Русанов несет на себя печать Танатоса,

¹¹ Интервью автора с А. Солженицыным 23 июня 2003 года.

¹² Струве Н. Спор об «Августе Четырнадцатого». — В кн.: Струве Н. Православие и культура. М., «Русский путь», 2000, стр. 484.

¹³ Солженицын А. Собрание сочинений. Т. 3, стр. 35.

¹⁴ Интервью с Солженицыным 27 мая 2007 года.

¹⁵ Rice A. Introduction / idem (ed.). Reminiscences of Abraham Lincoln by Distinguished Men of His Time. Charleston, «BiblioBazaar», 2009, p. xxi.

то Костоглотова и двух женщин, которых он по-мужски вожделеет, — медицинскую сестру Зою и доктора Веру Гангарт — осеняет Эрос. Жорж Батай пишет: «Притягательность женственности для мужчин — а мужественности для женщин — представляют собой в эротизме сущностную форму животной сексуальности, но глубоко изменяют ее. То, что непосредственно возбуждает организм животного, наподобие моторного действия источника света, достигает людей посредством символических фигур. <...> Женственность участвует в сведении эротического объекта к смягченным формам, чарующим не сокрушая»¹⁶. Олег по-разному очарован медсестрой (архетип возлюбленной), которую он символически окрестит «пчёлкой с чёлкой», и лечащим врачом (архетип жены), которой он даст еще более насыщенное символизмом любовно-звездное имя «Вега». И с той, и с другой старается вести себя адекватно их общей женственной «смягченности». С Зоей он разговаривает «мягко, нарастят»¹⁷, а беседуя с Верой даже меняет пластику тела: «Не зная, как лучше выразить уважение к врачу, <он> подтянул к себе слишком вытянутые по кровати длинные ноги»¹⁸.

Ни один другой персонаж Солженицына — даже белокурый и широкоплечий «светлый орёл»¹⁹ Польщик в «Марте Семнадцатого», этот самый ницшеанский из всех героев писателя, — не сравнится с Костоглотовым по силе бьющегося в нем мужского начала. Он отказывается от курса лечения, которое может спасти ему жизнь, но ценой фармакологического оскопления: «После семи лет армии и семи лет лагеря — дважды семи лет, дважды сказочного или дважды библейского срока — и лишиться способности визнавать, где мужчина, где женщина, — эта цена не лихо ли запрошена?»²⁰ Ср. в *Седьмой* главе «Волшебной горы»: «Семь лет провел Ганс Касторп у живших здесь наверху — для сторонников десятичной системы это не достаточно круглое число и все же хорошее, по-своему удобное число, можно сказать — некое мифически-живописное живое тело...»²¹

В Костоглотове есть что-то от путешественников и золотоискателей в романах Джека Лондона, которыми Саня Солженицын зачитывался в детстве. Подобно лондоновскому Смоку Беллью, возвращающемуся домой из заснеженной тайги с ее метелями, волками и белым безмолвием, Олег жаждет вкусить полноту жизни, познать сладость и негу слияния мужского с женским. На протяжении повести Костоглотов постоянно восстает против любой над собой власти — партийной, медицинской, даже любовной, — стремясь быть господином своего бытия в ницшеанском смысле, и лишь иногда и лишь с Верой готов он разделить этот суверенитет над своим личностным и телесным. «В том и была главная слабость для его вечно подозрительного внимания: довериться, отдаться доверию»²². В чувстве полного доверия к любимой женщине и состоит для Олега высшее проявление Эроса.

Герой Солженицына по-солженицынски лапидарен: «Почему нравственное усовершенствование вызывает у вас такую изжогу? Кого оно может обижать? Только нравственных уродов!»²³ Или: «Да хоть десять дедов у него будь пролетариев, но сам не работаешь — не пролетарий!»²⁴ Обе реплики обращены к начальнику отдела кадров. Но партиец Русанов являет собой фигуру гораздо более значимую, чем просто полуобразованного последователя Ленина и Горького, одуловатую риторическую мишень для антисталинистских «афоризмов и стрел» протагониста повести. Как отмечает один американский комментатор, между Костоглотовым и Русановым «существует странная связь, со-

¹⁶ Батай Ж. История эротизма. М., «Логос», 2007, стр. 118.

¹⁷ Солженицын А. Собрание сочинений. Т. 3, стр. 32.

¹⁸ Там же, стр. 190.

¹⁹ Солженицын А. Собрание сочинений. Т. 11, стр. 173.

²⁰ Солженицын А. Собрание сочинений. Т. 3, стр. 255.

²¹ Манн Т. Волшебная гора <www.valeriya-babovich.narod.ru/page_18_0.html>.

²² Солженицын А. Собрание сочинений. Т. 3, стр. 280.

²³ Там же, стр. 122.

²⁴ Там же, стр. 345.

гласно которой каждый из них подразумевает другого»²⁵. Иными словами, или фонемами, г-н К. и тов. Р. со-состоят в ситуации контрастной политической дистрибуции. Они суть функционально различные единицы, парное противопоставление которых в одной языковой и политической системе генерирует текстуальные смыслы, причем не только идеологические, но и этические.

Павел Николаевич Русанов — имя говорящее, будучи аллюзией к *Павке Корчагину* из романа «Как закалялась сталь» *Николая* Островского и намеком на инициированную свыше и поддержанную снизу деградацию всего национального *русского* в эпоху советскую. А друга юности Русанова, пламенного патриота Страны Советов, на которого Павел сочинил донос с тем, чтобы завладеть его жилплощадью, звали Родичев, от слова «родина». Доносчик Русанов и жертва доноса Родичев находились в комплементарной партийной дистрибуции, будучи вариантами единого молодежно-советского типажа, до тех пор пока первый не въехал в комнату второго, а второго не отправили по этапу на Восток.

В семье Русановых руководящую роль партии и правительства играет супруга кадровика Капитолина Матвеевна, которая согласно неписанным правилам номенклатурного сожительства значительно превосходит габаритами самого Павла Николаевича: «Капа своей широкой фигурой, со сдвоенной чернобуркой, ридикулем величиной с портфель и хозяйственной сумкой с продуктами, заняла добрых три места на скамье»²⁶. Впрочем, здесь сатира лежит на поверхности текста или Капитолины. Более тонка, и трубчатая, заданная в повести производственная тема. До того как пошел по аппаратной стезе, Русанов работал с Родичевым на макаронной фабрике, где последний в своем пролетарском ослеплении любил припевать: «Мы — кузнецы, и дух наш молод»²⁷. Кузнец макарон — образ бесспорно сюрреальный. «Загорелый здоровяк, с гантелями и гирей, <...> на балконе»²⁸, макаронник Родичев — аналог столь же атлетического, общепитовского и песенного колбасника Бабичева из романа Олеси «Зависть». Солженицын скептически воспринимал интертекстуальные выкладки изучавших его творчество филологов. «Считаю тяжёлой болезнью и даже заблуждением современного литературоведения — настойчивый поиск литературных влияний и заимствований»²⁹, — писал он мне. Тем не менее, местами автор как раз *влился* и *заимствовал*, хотя делал это всегда творчески и часто остроумно.

²⁵ Thompson B. Aleksandr Solzhenitsyn's «Cancer Ward»: The Failure of Defiant Stoicism. — Dunlop J., Haugh R. and Klimoff A. Aleksandr Solzhenitsyn. Critical Essays and Documentary Materials. 2nd edn. New York, «Collier Books», p. 299.

²⁶ Солженицын А. Собрание сочинений. Т. 3, стр. 155.

²⁷ Там же, стр. 163.

²⁸ Там же.

²⁹ Интервью с Солженицыным 23 июня 2003 года.